

часто рассказывая о нем впоследствии, он всегда приходил в большое волнение и заканчивал свой рассказ громким возгласом: „В то же утро, едва проснувшись, я решил оставить полк, и подал в отставку; а когда вышла отставка, я тотчас определился на службу по министерству финансов, в Пробирную палатку, где и останусь навсегда!“»²¹

Американская исследовательница Б. Х. Монтер в своей книге о творчестве Прутковы сделала, как говорит уже российский литературовед, «не вполне серьезную» попытку дать фрейдистское истолкование этого сна.²²

Но тому, кто внимательно читал пророческие книги Библии или изучал постбиблейскую литературу откровений, бросаясь в глаза элементы, явно пародирующие пророческое или апокалиптическое видение. Это и вещий сон, круто изменяющий жизнь главного героя, и вознесение на высокую гору, и голый генерал в роли апокалиптического «ангела-толкователя», и символические объекты — в данном случае дорогие ткани. Даже такая деталь, как нагота генерала, находит параллель в апокрифах: в целом ряде книг есть эпизоды, где центральный персонаж встречает отшельников, чья нагота, по-видимому, означает не только крайнюю степень аскезы и нестяжательства, но и возвращение к первоначальному безгрешному состоянию людей в Эдеме.²³ А внезапное желание Козьмы подать в отставку и «навсегда» перейти на службу в Пробирную палатку, возможно, пародирует стремление героев агиографических книг после получения откровения расстаться с прежними жизненными благами и вступить на путь подвижничества.

Если эти параллели не случайны, надо добавить: следуя древней традиции считать поэтов боговдохновенными обладателями пророческого дара, Прутков позиционирует себя еще и как пророка или апокалиптического духовидца.

²¹ Прутков К. Полн. собр. соч. С. 332–333; Сочинения Козьмы Пруткова. Ростов-н/Д, 1996. С. 295 (сер. «Всемирная библиотека поэзии»).

²² Monter B. H. Koz'ma Prutkov, the Art of Parody. The Hague; Paris, 1972. P. 53.

²³ См. об этом: Смагина Е. Б. Нагота отшельников в письменных источниках и ее символическое значение // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. Вып. 6. Ноябрь–декабрь. С. 142–149.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-68-76

© М. В. Михновец

СУДЬБА БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО*

Вопрос о творческом диалоге Н. Г. Чернышевского и Ф. М. Достоевского имеет давнюю исследовательскую традицию, однако большинство работ относится либо к советскому периоду, либо касается отдельных эпизодов, связанных с биографией и художественным наследием писателей.¹ Многое из ранее не исследованного требует изучения,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00762, <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН.

¹ Туниманов В. А. Чернышевский и Достоевский // Н. Г. Чернышевский: Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 169–208; Холодова Г. М. Чернышевский и Достоевский: Социально-этические искания: сходства и различия // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 4. С. 21–30; Царева И. С. Достоевский и Чернышевский в 1861 году // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1987. Вып. 748. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. С. 44–63; Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005. С. 184–188.

в том числе необходимо детальное освещение позиций Достоевского и Чернышевского как публицистов в рамках большого общественного диалога, сложившегося во второй половине 1850-х — 1870-х годах. В это время предметом осмысления двух писателей становились события культурно-исторической и социальной жизни как России, так и других европейских стран. На названные выше десятилетия выпали важнейшие события с точки зрения формирования новой политической карты Европы: происходил процесс объединения Италии, Германии, решался вопрос о судьбах балканских народов.

Писатели, придерживавшиеся полярных общественно-политических и мировоззренческих установок, не вступили в прямой диалог по поводу этих глобальных европейских преобразований. Их высказывания хронологически не совпали: публицистика Чернышевского относится к рубежу 1850–1860-х годов, публикации прерываются из-за ареста в июле 1862 года, первый же материал Достоевского, посвященный балканской тематике, относится только к сентябрю этого года. Уместно говорить о заочном диалоге между ними, в пределах которого более явно проступают особенности мировоззрения и историософских воззрений каждого.

Вопросу о судьбах балканских народов в творчестве Достоевского посвящено большое количество работ, которые затрагивают историко-философские, культурологические и геополитические аспекты. В частности, этот вопрос был в фокусе внимания коллективной монографии «Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского».² При этом творчество Чернышевского — писателя, общественного деятеля, публициста, столь же глубоко погруженного в этнокультурные, национальные, межгосударственные проблемы, как и Достоевского, — за редким исключением оказывалось вне поля зрения литературоведов на протяжении нескольких десятилетий. Количество публикаций за последние 15 лет, посвященных его творческому наследию, ничтожно мало (особенно если сравнивать со все нарастающей интенсивностью исследований в области достоевсковедения). В отличие от системы геополитических воззрений Достоевского, геополитическая картина мира Чернышевского остается практически неизученной. Укажем только на две работы, которые отдаленным образом касаются интересующего нас вопроса. Одна из них — статья А. В. Малинова «В. И. Ламанский vs Н. Г. Чернышевский: из истории забытой полемики»,³ в которой проведено сопоставление радикально-западнической установки Чернышевского и славянофильской позиции Ламанского. Автор исследования обращается к дискуссии, вызванной публикацией в 1861 году в журнале «Современник» статьи Чернышевского «Национальная безтактность», посвященной вопросу о национальном языке галицийских русинов. Вторая работа, актуальная для нашего исследования, — фундаментальная статья В. А. Викторovichа о жизненном и творческом пути Чернышевского, которая затрагивает и вопрос о пути развития славянских народов.⁴

Подобный дисбаланс в количестве исследовательских работ, посвященных наследию двух авторов, обусловил структуру настоящей статьи: акцент будет сделан на творчестве Чернышевского, поскольку подразумевается, что позиция Достоевского была уже неоднократно описана. Цель работы — проанализировать публицистическое творчество Достоевского и Чернышевского в аспекте особенностей понимания ими будущего балканских этносов, уделяя особое внимание вопросу национальной, конфессиональной идентичности балканских и западных славян, а также специфике их взаимоотношений с Россией. Поставленная цель требует привлечения биографического материала, обращения не только к публицистике, но и к эпистолярному и мемуарному наследию авторов.

Безусловно, разговор об образной структуре публицистики Чернышевского невозможен без понимания особенностей ее поэтики, среди которых Викторovich справедливо

² Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / Под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск, 2021.

³ Малинов А. В. В. И. Ламанский vs Н. Г. Чернышевский: из истории забытой полемики // Русин. 2018. Т. 52. Вып. 2. С. 41–59.

⁴ Викторovich В. А. Чернышевский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.: СПб., 2019. Т. 6. С. 632.

отметил ролевой характер и «вызывающе-игровой строй».⁵ При этом на основе проведенного нами системного анализа наследия Чернышевского можно утверждать: образы балканских народов в его публицистике обладают устойчивыми характеристиками, повторяющимися от одного текста к другому. Это позволяет говорить о целостности и непротиворечивости этих образов а также о внутреннем единстве в понимании судеб балканских народов.

Одну из ведущих ролей в формировании системы взглядов мыслителя по так называемому балканскому вопросу сыграло его историко-филологическое образование. В Императорском Санкт-Петербургском университете Чернышевский, помимо других дисциплин, изучал курс южнославянской литературы, в числе его преподавателей был выдающийся специалист по славяно-русской филологии профессор И. И. Срезневский. Из «Дневника 22 года моей жизни» известно, что на экзамене будущий писатель отвечал преподавателю на вопрос, посвященный сербской народной литературе («...2 мая <...> Срезневского экзамена. <...> Когда экзаменовался Корелкин, <...> ему досталось о том, болгарское ли наречие церковно-славянское или нет <...> Мне досталось о сербской народной литературе и о фонетике изменений русского языка»⁶).

Языковые исследования в дальнейшем оставались в поле внимания Чернышевского. И как редактор «Современника», и как автор статей он обращается к вопросу о балканских народах с позиции человека с историко-филологическим образованием. Например, неоднократно в его воспоминаниях, публицистических статьях, черновиках появляется имя современного сербского лингвиста и этнографа В. Караджича, прослеживается его влияние на сочинения других авторов, осмыслиется содержание собранных им народных песен (1, 773; 4, 544; 12, 694).

Интерес Чернышевского к судьбам этносов этого региона нельзя свести к сиюминутному отклику на текущие события, он имеет под собой большой культурно-исторический фундамент, проистекает из всестороннего знания специфики их культуры и истории. В своих журналистских обзорах, рецензиях на новые книги Чернышевский уделяет внимание особенностям славянских языков, осмыслению исторического прошлого и настоящего сербов, болгар, греков, хорватов и др., их конфессиональной принадлежности, фольклору и литературе. Чернышевский неоднократно пишет рецензии для «Современника» на издания, которые тематически напрямую или опосредованно связаны с Балканами: «Осада и взятие Византии турками» М. Стасюлевича (2, 641), «О времени происхождения славянских письмен» О. Бодянского (2, 650), «Православие и другие христианские церкви в Турции» И. Березина (3, 448), «Путешествие в Черногорию» А. Н. Попова (4, 223), «История Сербии по сербским источникам» Л. Ранке (4, 544), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» А. Зернина (5, 792), «Историко-критические изыскания» Ю. Венелина (16, 654), «Жизнь и смерть последнего владыки Черногории и последовавшие затем события» Е. П. Ковалевского (16, 47) и др. Кроме того, в 1860 году в «Современнике» Чернышевский публикует работы А. Ф. Гильфердинга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия» (№ 3), Е. Д. Южакова «Месяц в Болгарии» (№ 11). В рецензиях он неизменно обнаруживает свои обширные знания по истории южнославянских народов, понимание особенностей их языка и межэтнических противоречий на юге Балканского полуострова.

Ключевое высказывание Чернышевского по так называемому балканскому вопросу относится к астраханскому периоду его жизни. В статье «По поводу „Автобиографии“ Н. И. Костомарова» Чернышевский дает однозначный ответ, какая судьба является приемлемой, а какая — невозможной для балканских славян. Публицист радикальным образом отмечает возможность образования их федерации: «Он (Костомаров. — М. М.) говорит, что меня тогда „занимало славянство“; оно занимало его;

⁵ Там же. С. 633.

⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 368–369; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страниц арабскими цифрами.

меня не занимало; но он говорил о нем много и горячо; его идеал — федерация всех славянских племен — казался мне идеалом ошибочным, влечение к которому дает результаты, вредные для русских, вредные и для других славян» (1, 773). И далее: «Эта федерация была бы, как мне казалось тогда (и кажется теперь), вредна для всей Европы и в частности губительна для каждого из славянских племен, начиная с того, к которому принадлежу я, и кончая хоть бы кашубами или лужичанами. Потому идея о федерации всех славянских племен была тогда (и остается теперь) ненавистна мне» (1, 776). Высказывание Чернышевского только на первый взгляд может показаться эпатажно-декларативным. Оно логичным образом вырастает из исключительного внимания публициста к национальному и конфессиональному своеобразию народов Европы.

Чернышевский в своих статьях упоминает большое количество народов Балкан и прилегающих к ним территорий: это болгары, боснийцы, греки, герцеговинцы, лужичане, хорутане, хорваты (в XIX веке — кроаты), румыны с валахами. Он не просто перечисляет эти народы, он говорит об их специфических особенностях, о своеобразии их государственной организации, конфессиональной принадлежности. Так, например, для Чернышевского не существует обобщенных «греков». Он пишет об афинских греках, которые уже обрели собственное государство; о греках, наделенных властными полномочиями в Стамбуле («„Уже по самой внешней обстановке своей епископ-грек был чужд народу. Он ездил на роскошно убранной лошади, вооруженный мечом и буздованом, знаками власти“, которые давались ему от султана»; 4, 545); отдельно обращается к проблеме так называемых ионийских греков — обитателей островов греческого архипелага, которые находились под властью англичан и стремились к соединению с независимой Грецией (6, 101–105).

В своих рецензиях Чернышевский резко реагирует на книги, если в них присутствуют неуместные, с его точки зрения, объединения народов и невнимание к их национальной обособленности. Так, критике подвергается «Краткое изложение русской истории» (1861), составленное Н. Тимаевым. Чернышевский сначала цитирует его, а затем комментирует: «„К юго-западным славянам принадлежат: болгары, сербы, хорваты, хорутане, черногорцы; они находятся под властью Турции и Австрии“. Что же это, значит черногорцы — не сербы? и под чьей же это властью они находятся: под властью Турции или под властью Австрии? „К северо-западным славянам (продолжает г. Тимаев) принадлежат: поляки, чехи, моравы, находящиеся под властью Австрии и Пруссии“. А не существует ли на свете еще лужичан, не существует ли тоже словаков? и не находится ли поляков под властью еще какой-нибудь другой державы, кроме Австрии и Пруссии?» (7, 987). Возмущение Чернышевского вызывает и «Тетрадь всеобщей географии», составленная М. и В. Тимаевыми, опять-таки из-за невнимания этих авторов ко всему национальному многообразию при описании этнического состава народов Европы. Критик иронизирует: «...впрочем, не одних хорутан не найдете вы между европейскими „поколениями“: гг. М. и В. Тимаевы забыли румунов, албанцев, мордву <...>, все латышское племя, ирландцев, бретонцев и все кельтское племя, басков; оно, впрочем, и то сказать, не стоит таких пустяков замечать» (7, 991).

Говоря о Венгерском восстании 1848 года, направленном против австрийского правительства, Чернышевский подробно останавливается на вопросе о внутренней неоднородности населения самой Венгрии. Предметом осмысления писателя становится противостояние между возглавляющими страну мадьярами, которые сами находятся под властью Австрии, и стремящимися отделиться от них славянами (хорватами) и румынами. Публицист подчеркивает конфессиональные противоречия, существующие на землях, единых с административной точки зрения. Он с уверенностью заявляет: «Южные австрийские славяне принадлежат одному племени, разделяются, как известно читателю, на два как будто бы народа по вере: западная часть их, называемаясь кроатами, держится католичества; восточные, удержавшие родовое имя сербов, остаются православными» (8, 474–475). Обратим внимание, что в картине мира Чернышевского все перечисляемые народы существуют на равных, публицист не разделяет их на «большие» и «малые». Для него значима уникальность народа сама по себе, важна его самобытность.

Сербам Чернышевский уделяет особое внимание среди остальных народов Балкан. Неоднократно он проводит мысль о близости русского и сербского народа: «Сербы, вместе с болгарами, ближайшие к нам по родству из всех славянских единоплеменников наших, должны возбуждать в нас самое живое сочувствие» (4, 544). «Сербские события, — поясняет публицист в начале статьи, посвященной политическому обозрению международной жизни за февраль 1859 года, — особенно любопытные для нас по нашему родству с сербами, мы решились изложить в особенной статье» (6, 106).

Центральное место этот народ занимает в статье Чернышевского «Самозванные старейшины». Она была опубликована в третьем номере журнала «Современник» за 1862 год и стала откликом на книгу «К сербам: послание из Москвы» (Лейпциг, 1860). Издание представляет собой параллельный текст на русском и сербском языках за подписью 11 авторов. Среди них славянофилы А. С. Хомяков, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, братья Аксаковы и др. О полемике Чернышевского с публицистикой славянофилов писали литературоведы, однако их исследования относятся к советскому периоду и имеют яркую идеологическую окраску, кроме того, не обращаются конкретно к интересующей нас статье.⁷ Основные вехи в споре Чернышевского со славянофилами по национальному вопросу отмечает в своей работе Викторovich, упоминая и «Самозванных старейшин»,⁸ однако формат энциклопедической статьи не позволил исследователю подробно проанализировать этот материал.

Чернышевский в присущей ему резкой манере критикует положения «Послания». Само название статьи — «Самозванные старейшины» — являет собой язвительное определение, данное авторам «Послания» из-за их стремления определить русский народ старшим братом, «старейшиной» по отношению к «младшему брату» в славянской семье — сербу. По мнению Чернышевского, подобное определение свидетельствует о нарушении элементарной логики истории, это «самозванство». Критик вопрошает: «Однако же, как это мы, русские, старше сербов в истории? Ведь на самом-то деле сербы являются в истории несколькими веками раньше, чем мы. Справьтесь-ко у Шафарики, когда начинают упоминать о сербах византийцы? Нехорошо хвастаться старшинством, когда сам моложе» (10, 126). Чернышевский обвиняет авторов в неуместном, с его точки зрения, покровительственном и снисходительном тоне, с которым они обращаются к сербам. Для публициста представление о великорусе как о старшем брате для других славян не является безусловной данностью. Более того, писатель не видит в феодальном прошлом России того, что бы отличало ее от Сербии: и там, и там шли междоусобные, братоубийственные войны, в этом оба государства равны.

Подвергается критике Чернышевского и следующий тезис «Послания», согласно которому западные народы предстают как утратившие веру. Критик забрасывает авторов вопросами: «Какой же это из западных народов сделался „вполне равнодушен“ к вере: немцы ли, у которых протестантская часть в своей массе так набожна, а католическая во всем слушается своего духовенства? в Баварии или в Тироле нашли вы равнодушные к вере? или равнодушны к вере англичане или ирландцы? да и в самой Франции масса поселян разве не в руках клерикальной партии? Нет, господа старейшины, слишком еще рано вам говорить о равнодушии к вере в массах западных народов» (10, 126). Обратим внимание, что Чернышевский в этом фрагменте, как и во всей статье в целом, сам не оперирует категориями «западные народы», «европейские народы», он не склонен к широким обобщениям. В статье «Самозванные старейшины» «западные народы» — это словосочетание, заимствованное Чернышевским у славянофилов и критикуемое им. Публицист, напротив, стремится дифференцировать население Европы в соответствии с его национальной и культурной принадлежностью, увидеть разность Европы, невозможность подобной универсализации, следуя мировоззренческой установке, о которой шла речь выше. Публицист последовательно, от раза к разу поименно называет десятки народов Европы: «итальянцы, португальцы, испанцы,

⁷ Сладкевич Н. Г. К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой // Вопросы истории. 1948. № 6. С. 71–79.

⁸ Викторovich В. А. Чернышевский. С. 632.

французы, бельгийцы, англичане, шотландцы, ирландцы, датчане, норвежцы» (10, 127). Аналогичные перечислительные ряды встречаются и в других его статьях.

Третий тезис, который выдвигает Чернышевский, непосредственным образом связан с предыдущим. Публицист критикует мысль славянофилов, утверждающих в форме прямого обращения к сербам, что «первое, важнейшее и неоценимое счастье ваше, сербы, — это единство ваше в православии». С таким представлением писатель не соглашается: «...это все хорошо, только вот в чем дело: именно этого-то единства и нет в сербском народе. Наши самозванные старейшины и наставники сербов забыли, что в Босне (совр. Боснии. — М. М.) есть очень много сербов-мусульман. А еще вот что: чем отличаются от сербов кроаты? Ведь они чистейшие сербы и по языку, и по всему, а разнятся от других сербов только своим католическим исповеданием. Да ведь этак, пожалуй, я скажу, что все немцы — протестанты; надобно только будет считать немцами тех племен немецкого народа, которые держатся католического исповедания» (10, 128).

Чернышевский акцентирует внимание на том, насколько разнообразно по конфессиональной принадлежности сербское население. Для него неравнозначность понятий «славянин» и «православный» имеет принципиальное значение, поэтому он поднимает важнейшую проблему соотношения национальной и конфессиональной идентичности внутри славянских народов. При этом он отталкивается от неприемлемой для него мысли славянофилов: «Оттого и славянин вполне славянином вне православия быть не может» — и с нескрываемым скепсисом доводит эту мысль до логического конца: «Итак, не говоря уже о поляках, специально порицаемых людьми подобного воззрения, лужичане, словаки, чехи, хорутане, кроаты не должны считаться вполне славянами» (10, 129). В смысловой перспективе той же проблемы публицист рассуждает и в статье «Народная бестолковость»: «Кстати мы спросим, кому единоверны католики-хорутане, чехи, словаки и униаты-русины: нам ли православным, или другим католикам; кому единоверны протестанты — чехи и словаки: нам ли, православным, или другим протестантам; кому, наконец, единоверны мусульмане-босняки — неужели также нам, русским?» (7, 841).

По Чернышевскому, вероисповедание не может быть основой единства страны и народа. В статье «Самозванные старейшины» он приводит целый ряд примеров, показывающих невозможность и нецелесообразность противоположного представления. Публицист утверждает, что главное в самоопределении человека — это его преданное служение государству, а национальная или религиозная принадлежность гражданина не играет сколько-либо значимой роли. В качестве примеров он приводит запорожских казаков и Барклая де Толли как подданных государства Российского.

Позиция Чернышевского в вопросе о соотношении национального, конфессионального и государственного начала в жизни балканского славянского народа напрямую соотносится с тем, что являет собой краеугольное основание системы историософских воззрений Достоевского 1870-х годов, времени формирования у него идеи панславянского православного государства. Однако взгляды двух писателей прямо противоположны друг другу, автор «Дневника писателя» в своем понимании балканского вопроса оказывается чрезвычайно близок славянофилам. В картине мира Достоевского важным становится представление о русском человеке как «старшем брате» для всех славян, о России как о покровительнице-матери славянских православных народов. Современные политологи А. И. Щербинин и Н. Г. Щербинина совершенно справедливо пишут о системе взглядов Достоевского, нашедшей свое выражение в «Дневнике писателя»: «Славянство еще было конструктом, основанным на идее единения в ходе и результате освобождения Балкан от османского ига, освобождение его напрямую связывалось с Россией, бесспорно полагавшейся не столько центром, сколько духовной, военно-политической основой и донором славянского мира».⁹ Достоевский в связи с событиями русско-турецкой войны 1877–1878 годов неоднократно подчеркивает:

⁹ Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 297.

не с целью завоевания идет Россия к болгарам, а с братской помощью. Освобождение болгар отнюдь не сводится к решению вопроса о независимости одного народа и образованию им собственного национального государства. По Достоевскому, это важный шаг для будущего всех балканских народов на пути к созданию панславянского макрообъединения. Вот ход его рассуждения: «Так что к такому союзу могли бы примкнуть наконец и когда-нибудь даже и не православные европейские славяне, ибо увидали бы сами, что всеединение под покровительством России есть только упечение каждому его независимой личности, тогда как, без этой огромной единыщей силы, они, может быть, опять истощились бы в взаимных раздорах и несогласиях, даже если б и стали когда-нибудь политически независимыми от мусульман и европейцев, которым теперь принадлежат они».¹⁰

Достоевский, с одной стороны, не отрицает неоднородности славянских этносов и наличия неразрешимых противоречий между ними. Вспомним в этой связи фрагмент из «Дневника писателя», посвященный неприязни между сербской и болгарской девочками, и вывод, к которому приходит автор: «Да, вечная рознь между славянами! Они запоминают ее в своих преданиях и сохраняют в песнях...» (XXV, 39). С другой стороны, Достоевский идиллически и с уверенностью полагает, что существует возможность снять разногласия между славянскими народами. Он рассуждает об особом их слиянии в будущем под крылом «огромной единыщей силы» — православной России, способной спасти отдельный народ от истощения и укрепить его независимость.

Отметим в этом контексте особо, что взгляд Достоевского обращается к судьбам балканских народов только в 1870-е годы (например, впервые Болгария упоминается им только в 1873 году, Босния, Герцеговина и Сербия — в 1876-м).¹¹ Эта заинтересованность проявилась именно в процессе формирования идеи панславянского государства. Повышенное внимание Достоевского к народам Балкан не было следствием некоего первичного знакомства с их культурой, историей, которое впоследствии могло бы пробудить более пристальный интерес. Оно обусловлено одной из основополагающих особенностей мышления писателя. В первую очередь актуальным для Достоевского становится то, что вписывается в уже определившийся круг его представлений либо непосредственно относится к сложившейся в его миропонимании идее и может служить для ее подтверждения или же способствовать ее переводу на новый уровень осмысления. В этом отношении публицистику Достоевского можно охарактеризовать как идеологическую: для писателя первична идея, он отталкивается от нее, а не от самого «материала». Подобную ситуацию наблюдаем и в случае с положением балканских народов: Достоевский первоначально погружается в осмысление идеи панславянского православного государства, а после этого обращает свой взгляд на то, что может служить ее упрочению. При этом внутренняя сложность, противоречивость, а также уникальность пестрого населения Балкан зачастую остается без его внимания. В этом состоит принципиальное отличие позиции Достоевского от Чернышевского, который, находясь в рамках своего либерально-демократического мировоззрения, отталкивается не от идеи, а от конкретного исторического события, межнационального противоречия и т. д.

Напомним о хронологическом разном в состоявшемся в русской культуре диалоге: Чернышевский в своих публицистических статьях осмысляет события войны Крымской, произошедшей за 20 лет до русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Однако проблемы, к которым он обращается, едва ли не тождественны тем, о которых пишет в «Дневнике писателя» Достоевский. Каждый раз неизменно остро стоит проблема будущего балканских народов в связи с направлением внешней и внутренней политики России, Турции, Австрии, Германии и Великобритании. Оба мыслителя видят близящийся конец Османской империи, однако мысль Чернышевского развивается

¹⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 23. С. 49–50. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

¹¹ Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского. С. 78.

прямо противоположно мысли Достоевского. Согласно Чернышевскому, балканские народы могли бы давно освободиться от османского ига, однако этому мешала и мешает поддержка Турции европейскими державами, опасаящимися в свою очередь того, что на османские земли распространится экспансия Российской империи. В статье «Народная бестолковость» Чернышевский пишет: «Неужели вы думаете, что Англия или Франция очень любят турок? Нет, они думают о турках совершенно так же, как и мы; а поддерживают их только из опасения, что при падении турецкой власти турецкие славяне не получили бы самостоятельности, а стали бы под нашу власть или наше влияние. Только этим опасением западных держав держится Турция. Только в том случае, когда оно отстранится, турецкие славяне не встретят в западных державах препятствий своему освобождению» (7, 837). Западным же славянам, находящимся под властью Австрии, согласно Чернышевскому, поддержка Российской империи тоже идет во вред: «...как ваши слова о прикрытии турецких славян могущественными крыльями русского орла возбуждают Англию и Францию поддерживать турок, точно так же подобные ваши речи об австрийских славянах возбуждают Германию поддерживать австрийцев» (7, 838).

Достоевский же, напротив, понимает внешнюю политику европейских держав все не как вторичное явление, ставшее только следствием экспансии Российской империи на Балканах. М. В. Подрезов пишет: «Достоевский прямо обвинял Австрию в помощи Турции деньгами, оружием и людьми, хотя европейская пресса сообщала о жертвованиях множества миллионов гульденов на содержание беженцев».¹² Писатель полагал, что землям, населенным западными славянами, грозит опасность попасть в полное и окончательное подчинение Австрии: «...расширится ли наконец в границах своих Сербия или Австрия тому воспрепятствует, в каком объеме явится Болгария, что станет с Герцеговиной, Боснией...» (XXVI, 78). Аналогичным образом Достоевский видит и роль Великобритании как в целом на Балканах, так и в Константинополе в частности. В статье «Комбинации и комбинации» он пишет от лица Англии: «Не беспокойтесь и вы, греки, Константинополь ваш: я именно хочу, чтоб он был ваш, а для того и занимаю его. Я только, чтоб его России не дать <...> Я же только временно постою в Константинополе, пока вы укрепитесь и пока из вас составится уже твердая и зрелая союзная империя. А до тех пор я ваша руководительница и оборона» (XXIII, 116). В том, что англичане не намерены оставаться на берегах Босфора лишь «временно», Достоевский не сомневается: «А уж где они поселятся, оттуда их трудно выжить, народ цепкий» (XXV, 71). При такой агрессивной внешней политике европейских государств, согласно мысли Достоевского, только единение под покровительством православной России позволило бы обрести свой путь балканским славянским народам.

Подведем итог нашим рассуждениям. Чернышевский, во-первых, подчеркивает значимость национальной самобытности балканских народов. Он видит будущее балканских славян в создании ими независимых национальных государств, обретение ими собственного пути без какого бы то ни было политического союза с Россией, Турцией, европейскими или же другими славянскими государствами. Во-вторых, по мысли публициста, Российской империи следует отстраниться от балканского конфликта, поскольку во многом он подогревается и не может разрешиться именно из-за ее участия. Самобытность славянских народов позволит им самостоятельно освободиться от османского и австрийского гнета и образовать собственные независимые национальные государства.

Достоевский же стоит на принципиально иной позиции, близкой к славянофильской, выраженной в «Послании к сербам», а также включенной в проблемное поле его русской идеи. Писатель, с одной стороны, отмечает существующие противоречия между народами Балкан, однако его внимание сосредоточено не на их внутренней неоднородности и не на осмыслении особенностей каждого из этносов. Публицист предполагает,

¹² Подрезов М. В. Австрия как объект геополитических и идеологических воззрений Ф. М. Достоевского // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 454. С. 119.

что освобождение балканских славян возможно только при помощи России, покровительство которой позволит разрешить и внутренние конфликты не только между православными славянскими этносами, но и между народами других вероисповеданий.

По существу, в центре полемики Чернышевского и Достоевского стоит вопрос о возможности единства народов. Для Чернышевского сама постановка подобного вопроса изначально не вполне оправданна: каждый народ самобытен и нуждается в своем государстве. Закономерно, что критик не размышляет над возможностью каких-либо макрообъединений. Вместе с тем он находится в поиске того, что может стать основой для общности внутри одной страны. По его мнению, этим может оказаться не вера и не национальность, а служение государству, труд во имя его процветания. Человек осмысливается не только как представитель определенного народа и конфессии, но, главное, как гражданин своего государства. Мысль Достоевского склонна к масштабным обобщениям: Россия — Европа, Восток — Запад. В середине 1870-х годов она развивается поверх историко-культурного факта самобытности многочисленных славянских народов и устремлена к «всеединству», в основе которого лежит национальность и вера, в случае со славянами — православная.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-76-88

© А. В. Пигин

«ПОВЕСТЬ О БОГАТОМ И УБОГОМ» ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА И. С. МЯДИНА: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РУКОПИСНОЙ ПОВЕСТИ И ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ

Творчество усть-цилемского книжника-старообрядца Ивана Степановича Мяндина (1823–1894), открытого В. И. Малышевым,¹ привлекало многих ученых и в целом является сейчас хорошо изученным. К настоящему времени выявлено более ста сборников, которые были переписаны (полностью или частично) или отреставрированы Мяндиным; несколько десятков его сочинений — преимущественно переработок древнерусских произведений — введено в научный оборот; исследованы особенности его редакторской работы; установлены основные факты биографии писателя.² Между тем «белые пятна» в наших знаниях о творчестве Мяндина остаются, и изучение его литературного наследия необходимо продолжить.

Настоящая статья посвящена «Повести о богатом и убогом, и еже како неизменяемы суть судьбы Божия», которая дошла в автографах Мяндина в составе двух его сборников: ИРЛИ. Усть-Цилемское собр. № 67 и № 70³ (далее — УЦ-67 и УЦ-70). При чем списки представляют две разные ее редакции. Оба сборника хорошо известны в науке, многие произведения из них были исследованы и опубликованы: повести о царе

¹ Малышев В. И. Усть-цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 323–337.

² Посвященная творчеству Мяндина научная литература обширна и не может быть приведена здесь целиком. По этой причине ограничимся указанием обобщающих работ Т. Ф. Волковой — наиболее верного данной теме исследователя, активно привлекающего к ее изучению своих учеников: Волкова Т. Ф. 1) Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции средневековых повестей: Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 2005; 2) Иван Степанович Мяндин: рукописное наследие. Литературные редакции и переработки древнерусских и старообрядческих сочинений: исследование и тексты: В 2 ч. Сыктывкар, 2024.

³ Описание рукописей см.: Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 115–121.

Мария Владимировна Михновец

младший научный сотрудник Российского государственного
педагогического университета им. А. И. Герцена

Mariia Vladimirovna Mikhnovets

Junior Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia

ORCID: 0000-0002-7818-2321

mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

**СУДЬБА БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО И Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

**THE QUESTION OF THE FUTURE OF THE BALKAN PEOPLES
IN THE PUBLICIST DIALOGUE BETWEEN
N. G. CHERNYSHEVSKY AND F. M. DOSTOEVSKY**

В статье исследуются позиции Достоевского и Чернышевского как публицистов в рамках большого общественного диалога, сложившегося во второй половине 1850-х — 1870-х годах по так называемому балканскому вопросу. На материалах «Современника» и «Дневника писателя» рассматривается, каким образом авторами осмысляются вопросы национальной, конфессиональной идентичности балканских славян, а также их взаимоотношений с Россией, Турцией и Европой.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Н. Г. Чернышевский, публицистика, «Дневник писателя», «Современник», балканский вопрос, славяне.

The article aims to explore the positions of Dostoevsky and Chernyshevsky as publicists in a large-scale public dialogue of the second half of the 1850s — 1870s, concerning the so-called Balkan issue. Based on their contributions to *Sovremennik* and *Writer's Diary* magazines, Dostoevsky and Chernyshevsky's understanding of the issue of national and confessional identity of the Balkan Slavs is considered, as well as the formers' relations with Russia, Turkey and Europe.

Key words: F. M. Dostoevsky, N. G. Chernyshevsky, journalism, *Writer's Diary*, *Sovremennik*, the Balkan question, the Slavs.

Список литературы

1. Викторович В. А. Чернышевский // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М.; СПб., 2019. Т. 6.
2. Геополитическая карта и картина мира Ф. М. Достоевского / Под ред. Е. Г. Новиковой, А. И. Щербинина. Томск, 2021.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 23, 24, 25.
4. Малинов А. В. И. Ламанский vs Н. Г. Чернышевский: из истории забытой полемики // Русин. 2018. Т. 52. Вып. 2.
5. Подрезов М. В. Австрия как объект геополитических и идеологических воззрений Ф. М. Достоевского // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 454.
6. Сладкевич Н. Г. К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой // Вопросы истории. 1948. № 6.
7. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб., 2005.
8. Туниманов В. А. Чернышевский и Достоевский // Н. Г. Чернышевский: Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979.
9. Холодова Г. М. Чернышевский и Достоевский: Социально-этические искания: сходства и различия // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1978. № 4.
10. Царева И. С. Достоевский и Чернышевский в 1861 году // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1987. Вып. 748. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение.
11. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1, 4, 6, 7, 8, 10.
12. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54).

References

1. *Chernyshevskii N. G.* Poln. sobr. soch.: V 15 t. M., 1939. T. 1, 4, 6, 7, 8, 10.
2. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1981. T. 23, 24, 25.
3. Geopoliticheskaia karta i kartina mira F. M. Dostoevskogo / Pod red. E. G. Novikovi, A. I. Shcherbinina. Tomsk, 2021.
4. *Kholodova G. M.* Chernyshevskii i Dostoevskii: Sotsial'no-eticheskie iskaniiia: skhodstva i razlichiiia // Nauchnye doklady vysshei shkoly. Filologicheskie nauki. 1978. № 4.
5. *Malinov A. V. V. I. Lamanskii vs N. G. Chernyshevskii: iz istorii zabytoi polemiki* // Rusin. 2018. T. 52. Vyp. 2.
6. *Podrezov M. V.* Avstriia kak ob'ekt geopoliticheskikh i ideologicheskikh vozzrenii F. M. Dostoevskogo // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2020. № 454.
7. *Shcherbinin A. I., Shcherbinina N. G.* Kartirovanie slavianskogo mira v «Dnevnikhe pisatel'ia» F. M. Dostoevskogo // Rusin. 2018. № 4 (54).
8. *Sladkevich N. G.* K voprosu o polemike N. G. Chernyshevskogo so slavianofil'skoi publitsistikoi // Voprosy istorii. 1948. № 6.
9. *Tikhomirov B. N.* «Lazar'! griadi von». Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie» v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii. SPb., 2005.
10. *Tsareva I. S.* Dostoevskii i Chernyshevskii v 1861 godu // Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta. 1987. Vyp. 748. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie.
11. *Tunimanov V. A.* Chernyshevskii i Dostoevskii // N. G. Chernyshevskii: Estetika. Literatura. Kritika. L., 1979.
12. *Viktorovich V. A.* Chernyshevskii // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'. M.; SPb., 2019. T. 6.

Александр Валерьевич Пигин

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Aleksandr Valerievich Pigin

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9306-1421

av-pigin@yandex.ru

**«ПОВЕСТЬ О БОГАТОМ И УБОГОМ» ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА
И. С. МЯДИНА: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ
РУКОПИСНОЙ ПОВЕСТИ И ФОЛЬКЛОРНОЙ СКАЗКИ**

**THE TALE OF THE RICH AND THE POOR BY THE PECHORA
OLD BELIEVER I. S. MYANDIN: CONCERNING THE LINKS
BETWEEN A HANDWRITTEN NOVELLA AND A FOLK TALE**

Исследуется и публикуется произведение печорского старообрядческого книжника XIX века И. С. Мяндина «Повесть о богатом и убогом», сохранившаяся в двух его редакциях (ИРЛИ. Усть-Цилемское собр. № 67, 70). В повести использован сказочный сюжет «Марко Богатый», получивший широкое распространение в Европе и на Востоке. Предпринят сравнительный анализ повести Мяндина с древнерусскими повестями и фольклорными сказками на этот сюжет, сделаны выводы о ее источниках и об особенностях обеих редакций.

Ключевые слова: И. С. Мяндин, рукописная книжность, фольклор, древнерусская повесть, сказка, старообрядчество.

The article examines and publishes *The Tale of the Rich and the Poor*, a work by I. S. Myandin, a Pechora Old Believer scribe of the 19th century, preserved in two lifetime editions (IRLI, Ust-Tsilemsky Collection, Nos. 67, 70). *The Tale...* uses the fable plot *Marco the Rich*, popular in Europe